

БЕЛАРУСЬ В МАСШТАБАХ РЕАЛЬНОСТИ**Турист и путешественник как жертвы провокации**

С самого начала поездки не обещала каких-то особенных потрясений, поскольку все, что предстояло увидеть, было лишь продолжением той привычной реальности, в которой протекает моя каждодневная жизнь и которую можно обозначить как Беларусь. Маршрут проходил по удаленным уголкам западной ее части и в моем неосведомленном представлении от восточной ее отличали разве что цифры более позднего присоединения, которое само по себе давно стало историей. Из этого следует, что значимость поездки как "события" формировалась в большей степени через необходимость покинуть на время обжитое жизненное пространство в Минске, чем возможность куда-то приехать: "приехать" в смысле найти что-то новое и незнакомое, отыскать объективные свидетельства своего перемещения...

Однако уже в первый день, прошедший в пути от Минска через Сморгонь, Ошмяны и закончившийся в Гервятах (по спидометру 180 км от Минска), поездка стала приобретать черты путешествия.

***

В фильме Бертолуччи *Расколотое небо* герои рассуждают о различии между туристом и путешественником — для них оно строится на разном отношении ко времени: если турист заранее знает время пребывания в месте, где он чувствует и ведет себя "как турист", то путешественнику ничего не известно — как долго он задержится там, куда завела его ломаная и никем, кроме него самого, не отмеренная линия пути. Путешественник — тот, кто может вообще никогда не вернуться назад.

За этой разной, казалось бы, степенью осведомленности и озабоченности своим ближайшим будущим, его распорядком — стоит глубокое несовпадение позиций туриста и путешественника. Время, запрограммированное путевкой, расписанием "тура", обратными билетами или просто сознанием туриста, задает "правильный" режим отношения к реальности, подбирает "нужный" масштаб восприятия происходящего: не позволяет слишком увлекаться мелочами, тратить время понапрасну, ничего не разглядывая и не делая (если, конечно, "ничего неделанье" не было целью поездки), и вообще организует видимое, заботясь о его целостности: витрины, открытки — которые, и правда, как "окна", "открывают" жизнь гостям-туристам и гарантируют знакомство с лучшими видами, даже если им не повезло с погодой. Путешественник же, в отсутствие точной границы своего пребывания, просто на время становится соглядатаем реальности, и она появляется перед ним зачастую неприбранной, в произвольном масштабе, в никем не отсмотренных ракурсах. Взамен он получает свободу воли: либо вообще ничего не видеть, либо, напротив, видеть что угодно и как угодно, не очень заботясь о целостности.

Тот, кто отправляется в поездку, не решив вопроса о собственном статусе в новой реальности, легко может стать жертвой ее провокации. Здесь многое зависит от местности, в которую Вы направляетесь: она

либо делает вас туристом, с вытекающим отсюда регламентом поведения, либо никак не отреагирует на ваше присутствие, сообщая тем самым, что вы для нее — *«всего лишь путешественник»*. Разглаженные картинки повседневности, легко скользящие перед всяким чужим взглядом в какой-нибудь западноевропейской стране — заведомая провокация и прямая дорога в туризм. Свойственная этим местам внутренняя упорядоченность “в себе” не предполагает вторжения “другого” с его интересом и взглядом в “незаявленные” (то есть неготовые к осмотру) места. И еще вопрос, существуют ли они на этих территориях в принципе...

Беларусь же сплошь состоит именно из таких мест — и в глубине, и на поверхности здесь мало следов заботы о возможном “чужом”. Это почти автоматически задает соответствующий статус любого, кто по Беларуси перемещается, показывая элементарную несостоятельность его “как туриста” и вынуждая его, тем самым, примерить пыльные одежды путешественника. В пользу “нетуристичности” Беларуси говорит и отсутствие красивых открыток с ее видами — этим, а с отсутствием денег или качественной полиграфии объясняется тусклость и непривлекательность того, что продается в киосках союзпечати. Путешественнику эти красоты и не нужны (содержание “тура” задается внешними параметрами, ему необходима вся эта инфраструктура, а путешественник сам наполняет содержанием свой путь, делая это на свой вкус и взгляд).

Пожалуй, единственное, что Беларусь сделала для своего внешнего облика (и чем она может снабдить заехавшего сюда гостя) — это ее литературный образ “синеокой”, содержащий изначальную презумпцию красоты, которая есть и о которой, поэтому, можно не печься.

Согласившись на недельную поездку по Беларуси, я оказалась в той самой — легкомысленной — роли человека, который не позаботился о жанре и форме предстоящего пути. Мысли мои были направлены на вещи более практичные и функциональные, как то: наличие бензина на заправокных станциях, горячий или, на худой конец, холодной воды там, где мы останавливались на ночлег, возможность найти сам этот ночлег — поскольку далеко не во всех населенных пунктах предполагается наличие заезжих путников, приехавших не в гости к кому-то конкретному, а просто “посидать землю”. Иногда из-за невозможности достичь желаемой степени комфорта возникали неожиданные удовольствия: городскому жителю неведомо, как приятно вечером, перед сном, чистить зубы и смотреть на звезды. Поиск подходящих условий для пребывания в поездке или попытки найти радость в их отсутствии — все это затмило на время вопрос о смысле происходящего, поскольку периодически ставило саму собой угрозу. Беларусь тем временем решила вопрос о моем статусе по своему усмотрению, и этот статус не вызывал никаких сомнений.

Узнать известное, познать знакомое

Жанр путешествия, к которому склонилось определение моей поездки по Беларуси, позволял достаточно вольно распорядиться взглядом, цепляющим не закономерности и части целого, а фрагменты мозаики, которой не суждено было сложиться в единство, по крайней мере сейчас. Несмотря ни на что, заведомо частные наблюдения время от времени становились этапами постижения новой реальности, что подтверждалось странными и необычными фактами, попадавшими в путь. Это могла

быть, например, яичница на завтрак, которую в этих краях при жарке переворачивают и запекают с двух сторон — чего, насколько мне известно, никто не делает в Минске; или люди, почти все без исключения горящие на трех языках, среди которых, правда, нет белорусского — но есть польский, литовский и русский. Если что и свидетельствует в их языке о Беларуси, так это произношение — единственное, что удерживает “белорусское” в отдельных звуках по краям иноязычных грамматических форм и лексических содержаний.

Множество таких мелочей, если бы кто-то решил их собрать и классифицировать, могло бы составить неплохой багаж наблюдений, с какими возвращались из далеких странствий завязтые путешественники прошлых веков. Однако это потребовало бы не только энергии путешественника, но и страсти коллекционера, которую мне трудно в себе обнаружить. Так что пришлось ограничиться первым этапом любого коллекционирования — т. е. констатацией фактов, замеченных в различных точках и местностях, тем более что и сами эти местности с россыпью своих неповторимых особенностей сменялись перед глазами со скоростью картинки калейдоскопа в руке играющего ребенка.

Каждый новый день, проведенный в пути по белорусским дорогам, каждая новая деревня или город становились этапами парадоксально-го постижения уже известного.

Задаваясь вопросом о природе нашей уверенности в том, что мы знаем страну, в которой живем, надо признать неубедительность приходящих в голову ответов. Например, ежевечерний прогноз погоды, звучащий годами с экрана телевизора — с перечислением разных населенных пунктов — без сомнения, создает иллюзию их само собой разумеющейся близости, нашего с ними знакомства. И возможно даже, что в этом есть какой-нибудь смысл — единство климата, и правда, роднит всех белорусов. Однако из этого не вытекает никакого содержательного представления о том, что на разных концах страны происходит, как она там выглядит, чем живет.

Полная иллюзий уверенность начала пути постепенно исчезла, оставив после себя странное ощущение оптической метаморфозы: как будто воображаемая линза, обладающая невероятной способностью к увеличению, случайно упала на географическую карту Беларуси, к виду которой я привывала всю свою жизнь, принимая ее за реальность, и совершила “чуждое” превращение схематических линий и точек в настоящие дороги, города и деревни со всеми важными и неважными деталями, приятными или, наоборот, — неприглядными подробностями...

Эта метафора, при всей ее эстетической условности, передает статус события, случившегося в поездке, и никаким другим образом оно не схватывается — из-за растянутости впечатлений во времени и расплывленности в пространстве.

Воображаемая (карточная) Беларусь — разрушалась медленно, реальная же постепенно отвоёвывала свое место в моем перцептивном опыте “человека в пути”. Запутав в очередной раз на проселочных дорогах, мы тщательно вглядывались сначала в квадратные сантиметры на карте, а потом осторожно переводили взгляд на дома, леса и пригорки в поисках подтверждения тому малопонятному факту, что имеем дело с одной и той же реальностью, по-разному масштабированной человеческим восприятием.

В фильме *Рейскарионы орнитолога* Питера Гринюэя речь идет о коллекции старых карт и второй ей коллекции путешествий. Основная забота “человека в пути” того времени — успеть преодолеть пространство до того, как оно исчезнет с карты. Карта, нарисованная карандашом, по мере продвижения путника по маршруту из-за постоянного использования стиралась — исчезала с бумаги, оставляя после себя чистые листы. Любопытно, что при этом карта — как графическая маска пространства — начинала работать со временем отдельного человека, который с этим пространством связан.

С другой стороны, этот факт говорит об особом балансе карты с реальностью. В физически объяснимом феномене (недолговечность карандашных записей и рисунков) проглядывает неожиданная глубина этого взаимодействия. Стирая карту, т. е. используя-путешествуя, человек делает выбор в пользу реальности... Можно никуда не ездить и тогда неиспользованная карта останется целой и невредимой, ее можно в рамке повесить на стену, украсить интерьер. Ничего подобного нельзя сделать с реальностью — у нее другой статус, в этом смысле она менее функциональна и бесполезна “для красоты” повседневности.

Делая выбор и отправляясь в путь, человек не только отказывался от эстетики карты как части своего интерьера, он обменивал ее на неизвестность и неожиданность, поджидающую его в зашифрованной на карте действительности.

В наше время это взаимодействие потеряло былую фатальность: карты печатаются типографским способом и, хоть и лишаются своей первоначальной хрупяще-бумажной новизны, все же продолжают существовать после завершения пути. (Впрочем, обычай вешать карты на стены еще сохранился — в этом проглядывает автавиз старой бесценности картографического рисунка, ограниченного во времени и свидетельствующего об определенном выборе своего владельца, возможно, даже о его жертве — т. е. реальности, принесенной на алтарь беззащитного рисунка.)

Лишенный своей необратимости момент перехода карты в реальность нашего путешествия все же не в себе определенную интригу, корни которой уходят в природу карт.

Карты — в силу своей исконной схематичности и какой-то особой безразличности к тому, что они обозначают — скрывают многое. Например, карты Франции, Монголии и Беларуси отличаются только номинально и вблизи, сама же картографическая реальность обманчиво рисует земной шар монотонным языком, близким к визуальной стенографии. Для того чтобы осмыслить “видимое”, каждый раз необходимо усилие, чтобы включить воображение, выстроить перспективу, куда поместить познания из географии и других научных дисциплин, рассказывающих о земле. Однако эту работу никто не прodelывает всякий раз, как только на глаза попадается глобус. Считывая же поверхность карты, разглядывая ее как самодостаточное явление, как порождение особой логики отношения с земным пространством, можно легко впасть в заблуждение относительно и формы, и содержания жизни, протекающей здесь и там.

Поездка исподволь наполняла карту содержанием, что, конечно же, не было целью нашего путешествия, но все-таки происходило. Оно сопровождалось разоблачением не только монотонности схематического говорения карты, на которой город Минск почти ничем не отличается

от Лиды. Одновременно мое субъективное восприятие теряло самоочевидность того факта, что я живу в Беларуси, точнее, что я знаю, в какой именно Беларуси я живу.

Арифметическая единичность этого образа сменилась множеством. Беларусь в Минске, Беларусь в деревне Трабы, в поселке Дятлово и Беларусь в Новогрудке оказалась разной. И это не столько повод задуматься о целостности нашего государства, сколько возможность осмыслить странную непринципиальность всех этих различий, позволяющую каждой отдельной точке хранить своеобразие, граничащее с полным выпадением из общего пространства. Может статься (и все к тому идет), что из образа Беларуси, созданного информационными потоками современной жизни, выпадает сама Беларусь.

Она, как колобок из сказки, может гордиться своей способностью уходить — это ей удалось не только в случае с информационным скафандром, в какой ее облекают разные описания и репортажи о жизни. До этого она ускользнула как минимум от семи картографов — именно столько карт Беларуси у нас было с собой, и ни одна не могла снабдить нас информацией, достоверной и точной, в результате мы двинулись наугад, ориентировались вслепую.

Логика ускользания — от фотографирования на туристические открытки, от точного определения, от простого нанесения на карту — не абстрактное стремление к волюнтаризму и свободе. Зорор, остающийся между рисунком на бумаге и самой реальностью — что-то вроде шанса на обретение смысла существования, утерянного целым народом в процессе многократного внешнего передела территорий и освоения каждый раз новыми властями изнутри. В этот зорор попадает не столько самобытность белорусских провинций — популярная тема программ национального телевидения и радио (ей как раз ничего и не угрожает), сколько целостный образ Беларуси, который она не в силах удержать на границах безостановочно и по-разному текущей жизни.

Каждая точка пространства предлагает свою трактовку Беларуси как таковой, и она правомерна, поскольку эта точка — на ее территории.

Подобное разнообразие способно смутить даже самое демократичное сознание, однако ему на деле ничто не угрожает, поскольку бесконечные различия скрыты за широкой единственной явной границей, которая делит белорусскую действительность всего лишь на две части: Минск и Неминск.

Униформа районного центра — против истории

“Неминск” как феномен белорусской территории можно легко обнаружить, отъехав от Минска километров на десять-пятнадцать. Сам по себе он отражает гомогенность и в этом смысле даже некоторую внешнюю монолитность организации жизненного пространства. Это — вездесущность архитектурной униформы райцентра. Абсолютно похожие маленькие площади с памятником Ленину (и наверняка его же именем в названии), одними и теми же зданиями, где сидят разные люди, но выполняющие одни и те же функции в механизме государственной машины...

Правда, за всем этим проступают внутренние перспективы “личных историй” городов и местечек, где все мгновенно приобретает неповторимость и собственную, индивидуальную значимость. Как правило, со-

хранятся где-нибудь во дворах или на отшибе современной городской жизни оригинальные строения, фрагменты улиц, в которых чуть теплится какая-то другая и в определенном смысле аутентичная жизнь каждого городка. Так, в архитектурно необычном здании прошлого века — синогоге — в г. Ошмяны теперь обустроен пункт приема стеклотары огромных размеров (судя по которым, он единственный на весь город или даже округу). Правда, случается и обратное превращение: в деревне Сурвельши (что в пяти километрах от границы с Литвой) костел переделан из сельского клуба: на кирпичный прямоугольник одето несколько атрибутов религиозной архитектуры, взятых из настоящего костела, руины которого не подлежат восстановлению и кровоточат рядом.

И дело даже не в странности такого обмена между светской и религиозной жизнью, а в той ломаной линии, по которой прошлое Беларуси перетекает в ее настоящее, с явным нарушением всех известных законов временной перспективы.

Нынешнее время с трудом втискивается в рамки собственной истории. И хотя последняя здесь тоже влачит жалкое существование — она как-то поддерживает настоящее, и, возможно, благодаря этому города и деревни сегодняшней Беларуси остаются сами собой.

Человек человеку — человек

или

Оптические обманы большого города

Каждому ясно, что деревня и город — это разные формы организации жизни. Вадали от города действуют другие законы коммуникации (все друг друга знают), иначе построена зависимость отдельного человека от окружения, да и само общество по-другому складывается из отдельных людей.

Во время службы в костеле в одной из маленьких деревень мне вдруг открылось удивительное сходство всех женщин. Их однотипные одежды, прически, платки с похожими узорами, повязанные одинаково, лица с одним выражением, кочующим в пределах данной деревни, — все создавало ощущение их близкого родства. Это мимолетное наблюдение озадачило после того, как я попытался представить, как сюда входит, например, муж, брат или сын одной из этих женщин и сразу находит свою жену, сестру или мать. Чтобы естественно и мгновенно различить их визуальное единство, его взгляд должен видеть иначе. А это значит, что он держится на другом знании человека — почти не связанном с его внешностью и обращенном то ли внутреннему, то ли к более тонким градациям индивидуального в общем. Очевидно, по сравнению с городским, сельский образ жизни строится на собственных основаниях: здесь иная форма заботы о своем облике для другого. Возможно, потому, что этот “другой” здесь достаточно постоянен и вневременной характер общения (вне времени — т. е. изо дня в день, из года в год) ориентируется на более стабильные референты в человеке, чем ветшающие одежды, отрастающие и седеющие волосы, стареющие черты лица. Каждый предстает чужому взгляду через абсолютную открытость, которая выражается в отсутствии интереса к своему виду как собственному — в нем нет в действительности ничего личного: более того, чем меньше он выделяется, тем лучше; чем меньше “нарядная” одежда отличается от повседневной, тем легче ее одевать.

На этом фоне жизнь в городе с ее стремлением приодеться и украсить себя целиком рассчитана на бесконечное число новых встреч, каждая из которых требует внешней мобилизации; их кратковременность и даже мимолетность обязывают заботиться о максимальном эффекте, в борьбе за который не последнюю роль играют одежда, косметика, техника... Кроме того, именно в городской жизни внешность имеет знаковый характер и позволяет ориентироваться в людской толчее, выделять однопорядковый социальный слой и, при желании, не нарушать его грани. Все это не имеет никакого смысла в деревне. То, что обычно называют деревенской тишиной и спокойствием, к которой так часто стремятся городские романтики — в действительности можно отнести не только к буквальным возмущениям слуха, но и к отсутствию каждодневных утомительных проблем с социальной идентификацией: она здесь решена раз и навсегда. Социальность здесь пребывает на отдыхе. (Вспомнив архитектурное однообразие территории Беларуси, подумалось: может быть, это отсутствие интереса ко внешним различиям и желание создать атмосферу стабильности через всеобщее подобие, столь оправданное и полноценное в сельской жизни, перекочевало в архитектуру вместе с выходцами из деревни, переехавшими целыми поколениями в города. Урбанистическая униформа становится следствием психологической экспансии деревни на город.)

Беларусь в замкнутом круге

Подобная обнаженность и безурочность внутреннего перед внешним существует не только в жизни отдельного человека, но и в организации всего уклада жизни. В деревнях или маленьких городках открывается реальное состояние дел в Беларуси, так как там отсутствуют внешние визуальные эффекты, ничто не вводит в заблуждение. Кажется, именно там живет правдивая Беларусь. На улицах Минска дорогие иномарки, красочные вывески со звучными и дорогостоящими именами известных фирм и масса других “мелочей” создают образ движения страны в сторону цивилизации. Каждый человек, идущий по улице, легко попадает в заблуждение и думает, что, хоть это пока никак не отражается на моем собственном образе жизни, окружающая объективная реальность определено меняется в лучшую сторону, и рано или поздно этот внешний прогресс проникнет и в мою жизнь (квартиру). В подобном обманчивом ожидании можно провести не один десяток лет, если, конечно, не суметь проникнуть в те слои, где вся атрибутика оптического обмана и создается. С точки зрения экономической, этот пласт жизни — чаще основанный на работе чужого капитала и идей — в Беларуси достаточно загерметизирован, в нем живет тот, кто в нем же работает. По сути — это превращенная форма натурального хозяйства, переведенная в масштабы города.

Принцип натурального хозяйства — замкнутый круг, по которому циркулирует жизнь, — постепенно стал метафорой (образом?) жизни на Беларуси.

Одним из свойств этой геометрической фигуры, как известно, является отсутствие выходов в открытое пространство, т. е. внешних перспектив... Выход в будущее — одна из таких перспектив, на первый взгляд неподвластная человеку, ибо существует объективно во времени. Парадоксальным образом в отдельных точках на территории Беларуси жизнь

тоже замыкается в круг. Большие деревни со школами, в которых никто не учится, а самое молодое поколение — в возрасте шестидесяти лет, — очевидно, обречено ходить по замкнутому кругу своей внутренней жизни до тех пор, пока последние жители не сойдут с дистанции.

Один из возможных способов замыкания круга — его исчезновение.

Беларусь в квадрате памяти

Наше путешествие было задано определенными историческими параметрами: оно проходило по точно обозначенным местам, сыгравшим ту или иную роль в истории Беларуси (как Новогрудок или Заосье, где родился Адам Мицкевич) или отдельных семей, имевших здесь некогда глубокие корни, обрубленные переездом за границу, но сохранившиеся в сознании людей. Мой спутник — потомок знатного рода, жившего на территории Беларуси до 1939 года. Цель путешествия — посетить те места, где протекала эта жизнь, увидеть их вочию — задавала не совсем обычный расклад реальности.

Диалектика старого и нового, прошлого и настоящего и, наконец, воображаемого и реального — создавала бесконечные повороты в сюжете нашего путешествия. Впрочем, чаще всего завязка, кульминация и конец-развязка повторялись.

Дорога, которая по сути своей — лишь вынужденная форма перемещения в пространстве, благодаря насытившим ее разговорам с множеством фактов, деталей, образов становилась интеллектуальной “заготовкой” будущего события. Правда, заготовкой она была, лишь пока мы не достигали места своих устремлений, где объективная реальность, как правило, демонстрировала свою несостоятельность в интересующем нас качестве, так что дорожная “заготовка” заменяла собой то, что мы искали...

В этом смысле путешествие было необходимо не для реальной встречи с тем, что найти и увидеть невозможно. Дорога давала шанс пережить опыт приближения как “пребывания вблизи” того, чего давно нет нигде, кроме человеческой памяти и воображения.

***

Карта Беларуси, испещренная точками приложения личной или семейной привязанности, которые нам предстояло посетить — будь то фамильные склепы, бывшие усадьбы, костельные книги или воспоминания людей, — приобретала в этом контексте новую историческую осмысленность и поддержку, пришедшую в “настоящее” из далекого зарубежья в облик моего спутника. Беларусь его воображения несла в себе память о другой жизни, другом времени, других отношениях — в которые были вписаны его предки, а в их жизнь была вписана Беларусь.

Этот странный симбиоз семьи с территорией приобретал особую значительность, когда формулировался в реальных вопросах, конкретных сведениях, в поиске которых мы колесили по проселочным, не всегда проходимым, дорогам. Неподдельный и на удивление энергичный интерес к этим местам самим своим существованием придавал особую убедительность той временной перспективе, в которой мы рассматривали Беларусь, людей, живущих в ней, дома, построенные и успевшие развалиться на ее территории...

Архитектура дома, факты из жизни имения, липовые аллеи, пруды, люди, их заложившие, существовали ровно столько, сколько мы к ним ехали. Колеса вертелись, топливо из бензобака расходовалось, картинка за окном хоть и еле заметно, но менялась — все это давало надежду, к слову сказать, так ни разу и не оправданную. Чаще всего, там, куда мы приезжали — просто ничего не было, иногда — были руины, и уж совсем редко мы находили целыми дома, приспособленные к нуждам современной жизни. То, как именно их “приспособили” к настоящему, — предмет отдельного разговора. Как правило, в этих домах обустроены места “асоциальности” (дома инвалидов, престарелых, алкоголиков и т. д.).

Работая с этим пространством, вопреки собственному стремлению стереть все бывшие различия, советская власть по каким-то причинам не только не зарывала следы старых социальных границ, но даже по-своему их закрепляла. Правда, если раньше эти границы проходили по линии аристократического отчуждения людей, то теперь отделяют нижний слой социального экстремума.

В одном из таких мест — интернате для душевнобольных — во время беглого осмотра бывшего имения один из его нынешних обитателей проявил немного странную любезность и предложил провести нас к тому, кто нам нужен. Мой спутник неожиданно серьезно ответил чистой правду, сказав, что тот, кто нас заинтересует, здесь, к сожалению, больше не живет.

В этом коротком диалоге была зашифрована целая история, достойная кинематографа — и семьи, которой принадлежало имяние, выброшенной из него и расселившейся по всему свету, и ее потомка, приехавшего туда, где (кто знает?) он мог бы жить, и пациента клиники, встретившего его в “собственном” доме, и самого имения, которому была уготована такая разная участь, как маятник качнувшая его из одной — аристократической — крайности в другую, прямо противоположную.

Другой раз — в больнице, размещившей во все еще живописном, хотя и полуистлевшем имении с недавно восстановленными прудами, аллеями, — история дома, вместе с газетными вырезками и выписками из разных книжек, рассказывающими о его бывших владельцах, — аккуртно хранится в папке среди историй болезней пациентов, откуда ее с горстью извлек главный врач этого заведения, явно довольный произведенным эффектом, написанным на наших лицах. Удивляться, конечно, можно было и самому факту увлечения историей, неожиданному у человека с массой других повседневных и насущных дел. Однако в действительности изумление вызывала та изощренная форма взаимодействия прошлого с настоящим, которую он, сам того не подозревая, выразил и проявил.

Жест, извлекающий эту — особенную — папку из стопки таких же — но с другим содержанием — серьезный в своей символичности ход к демонстрации одноосновности разных хитросплетений человеческих судеб на этой земле...

И даже у истории Беларуси здесь нет привилегий, у нее просто свои лакуны, свои способы скрытого присутствия, иногда она даже маскируется под настоящее, симулируя современность. И все потому, что из-за противоречивости и непоследовательности она — ненадежное обоснование для истин сегодняшнего дня, она — так же как все — способна об-

мануть и опровергнуть то не следует в самый неподходящий момент.

История дворянской семьи среди историй болезней не есть простой способ хранения информации: в нем найдено отражение крайняя степень отстраненности места по отношению к тому, что в нем (на нем) происходит. Результаты — т. е. записи — все равно хранятся потом в одном и том же шкафу со стеклянными дверцами, сквозь которые хорошо просматривается однообразие папок...

Ваня особая мудрость белорусской земли, которая с неизменным спокойствием переносит все, что на ней происходит, занимает позицию, с которой ничто не заслуживает взрыва страстей: все в конечном счете займет свое место на полке в шкафу за прозрачным стеклом.

***

Если кто и учитывает историю, с ее поворотами и сюжетными линиями, — это люди. Причем не только те, кто покинул свои владения и сохранил их в своей памяти сердца: с не меньшим значением она участвует в жизни тех, кто родился и вырос поблизости. С течением времени эти старые стены, крыши, просто руины все более символизировались, приобретая функции осколков, остовов погибших кораблей, и именно как “остатки” они беспрерывно отсылают в прошлое, то есть в “другое” время, отличное от нынешнего не только цифрами в датах, но и содержанием.

Из разговоров с людьми выяснилось, что многие из них помнят себя: собственниками своей земли, гражданами другого государства, носителями другого языка. В их восприятии Беларусь несет на себе отпечаток другой жизни, другой власти, другого времени. Они как будто бы успели заметить себя иначе, с другой стороны (границы), и теперь вынуждены постоянно “приделывать” это свое видение-припоминание к образу Беларуси.

Своя собственная “личная история” каждый раз оказывается более длительной, чем история Беларуси в этих местах.

В сознании людей навсегда остался след — как шов после хирургической операции, почти незаметный, о нем не вспоминают, он не болит — но он не дает забыть о сделанной много лет назад советской прививке.

По сути, в своей ежедневной жизни каждый такой человек продвигает в уме своеобразную арифметическую операцию — вычитая из повседневности чувство собственности и возводя в квадрат чувство белорусскости, вписывающее его в то государство, в котором он живет.

Путешествия 60 лет спустя

Ян Булгак Путешествия фотографа в слове и образе

Мысль о странной форме пребывания во времени, которое так медленно и неохотно “лечит” в этих местах, неожиданно нашла еще одно подтверждение по возвращении в Минск. Известный польский фотограф Ян Булгак в 20-е годы написал заметки под названием *Путешествия фотографа в слове и образе*, причем поездка его проходила явно по тем же самым местам, что и наша — его фотографии не заставили в этом усомниться. С первого взгляда на снимки стало понятно, что места эти за прошедшие семьдесят лет ничуть не изменились. В своих заметках он по-своему оценил это безвременье, смысл которого в том, что природа этой

земли неподвластна прогрессу и цивилизации с их стремлением к контролю и преобразованиям.

“Ландшафт наш безудный, первобытный, дикий, непокорный, существует сам для себя бесконечными просторами и далями, скульптурой поверхности, полной выразительности и обаяния, укутанный в лесные чащи, заросли, полоски. Он в необъятных размерах, в одинокой тиши и внутренних раздумьях о стихии и вечности. В нем содержится неизмеримая спонтанная сила, по сравнению с ней человек с его мелкими делами лишь незначительное дополнение, которое принимается мягко и снисходительно. Где-то люди смогли овладеть природой и изменить ландшафт на свой манер, подстроить ее под свой сомнительный эстетический вкус. У нас же человек не только не смог этого сделать — он и не пытался вступить в заведомо неравную борьбу с непревзойденным властелином, добровольно сдавшись в его владение” (Ян Булгак. *Путешествия фотографа в слове и образе*).

Природа, существующая сама по себе, человек, не оставляющий в ней следов и даже не пытающийся быть практичным, просто живущий на этой земле, довольствуясь самым для этого необходимым, — все это сразу лишает привычного смысла такие сферы жизни, как история, политика, культура.

Время истории, события политики, смыслы культуры теряют свою актуальность и привлекательность, стираются действующими исподволь ритмами земли, растворяются в чистой ключевой воде, которая выходит на поверхность, чтобы, пробрав по ней какое-то время, снова скрыться, впитаться в землю и забрать с собой все лишнее, ненужное, наносное.

Образ жизни, при котором человек — это орган, земля — организм, а природа — их со-организует, позволяет не замечать не только десятилетий, текущих, скорее, на экранах телевизоров (но кто здесь станет всеерьез их воспринимать — там “нежизнь”, “нереальность”, так же как *здесь* “Неминск”), но и веков.

Форма жизни, в которой все эти образы возникают, очевидно, и позволяла памяти человека на свой лад обращаться с реальностью — ее временем, содержанием, ценностью, смыслом.

По-видимому, это общая судьба — земли, природы, страны — одним из проявлений которой является и человеческая участь.

***

Поездка по Беларуси неожиданно обернулась путешествием во времени — пусть это и было время просто разных людей, а не разных эпох.

В конечном счете это показало всего лишь, что отличия между людьми, даже если они живут в одном государстве, простираются далеко за пределы привычных представлений, основанных на языке, которым они пользуются в быту, том, как готовят себе пищу (в печи или на газовой плитке), во что одеваются и о чем говорят.

Люди по-разному относятся к земле, на которой живут, по-разному слышат пение птиц, которые их будят на рассвете, и, возможно, по-разному просят к жизни, тем более что и сама эта жизнь у каждого своя.